

Весь мир науки мы разрушим, а затем?

«Совет директоров», № 5(140), 31.05.2017 г.

В одном из своих интервью глава Федерального агентства научных организаций (ФАНО) **Михаил Котюков** высказал мнение о необходимости дальнейшей реформы Российской академии наук: *«Для того чтобы Академия стала, так сказать, надведомственной структурой, то есть отвечала бы за экспертизу всего научно-исследовательского комплекса страны, а не только академических институтов, нужно усовершенствовать ряд внутренних процедур».*

Одним из шагов к этому стал, по всей вероятности, провал выборов президента РАН в марте нынешнего года на общем собрании, что сделало очевидным: заявленные М. Котюковым «усовершенствования внутренних процедур» внятной, хорошо продуманной стратегии и тактики все еще не имеют.

За комментариями происходящего мы обратились к известному ученому, академику РАН **Алексю Эмильевичу Конторовичу**.

— На очередном, мартовском общем собрании АН РФ должен был быть избран не только новый президент, но и новый президиум АН, то есть определено руководство Академии наук на ближайший пятилетний срок. Одновременно должны были пройти выборы во всех региональных и профессиональных отделениях. Избирательная кампания велась долго и всерьез. Однако за несколько недель до выборов в СМИ развернулась заведомо организованная «странная» дискуссия: группа академиков (кто в нее входил, я так и не понял, их никто ни разу не назвал) указала на недоработки в процедуре избрания президента, что якобы создает всякого рода трудности и ставит в

неравное положение кандидатов. А само собрание началось с самоотвода академиков Владислава Панченко и Александра Макарова без каких-либо внятных объяснений, кроме расхожего, касающегося любых выборов, — честно ли работала избирательная комиссия, не произойдет ли вброса и подмены бюллетеней. На фоне этой критики оставшийся единственным претендентом на президентский пост академик Владимир Евгеньевич Фортов оказался в безвыходном положении: он не мог позволить себе остаться безальтернативным кандидатом и быть избранным, потому что большинство членов АН были склонны голосовать за него. Такого прецедента Академия наук не имела ни разу почти за 100 лет советского периода (до этого президент не избирался). Объективно получается, что вся эта кампания была развернута только для того, чтобы не допустить переизбрания президентом РАН выдающегося ученого, крупного организатора науки В. Е. Фортова. Не вброса бюллетеней или других нечестностей боялись конкуренты В. Е. Фортова. У них не хватило мужества проиграть в честной борьбе.

В итоге мы были вынуждены проголосовать за перенос выборов и назначение на срок до выборов В. Е. Фортова исполняющим обязанности президента АН. Но глава Правительства РФ Д. А. Медведев решил иначе. Назначив на эту должность вице-президента РАН В. В. Козлова и пролонгировав полномочия президиума до конца сентября, председатель правительства также поддержал меньшинство, которое поставило своей целью любыми

методами убрать В. Е. Фортова. Президиум РАН внес «необходимые» изменения в процедуру выборов президента, назначил выборы на конец сентября. Это формальная канва.

На деле, я полагаю, все эти события — продолжение кампании, начатой три года назад, когда в Госдуме появился закон, автор или авторы которого формально до сих пор неизвестны, но который предполагал ликвидацию Академии наук. Резкая реакция общественности привела к вмешательству Президента Российской Федерации, закон был подправлен, вопрос о ликвидации снят. Но появилась новая редакция закона, предусмотревшего, в том числе, создание Федерального агентства научных организаций (ФАНО), которому были переподчинены все академические институты — главное достояние, «золото» Академии наук, создававшееся десятилетиями. За Академией наук формально было оставлено методическое руководство, право определения главных направлений науки, утверждение программ и так далее. Что же из всего этого вышло?

И Академия наук не привыкла к таким формам работы, и вновь созданное Федеральное агентство не имело такого опыта работы. В нем были собраны люди, никогда в науке не работавшие и выполнявшие чисто технические и организационные функции. Назначенный руководителем ФАНО Михаил Михайлович Котюков, который до этого работал заместителем министра финансов, производит лично на меня впечатление грамотного, думающего и старающегося добросовестно выполнять свои обязанности человека. От взаимодействия с ним я как специалист получаю человеческое и творческое удовольствие. Однако сама организация к такой специфичной, масштабной работе готова не была.

В аппарате управления АН работали люди, которые десятилетиями занимались этой работой применительно именно к академической системе. Они пришли в Академию наук после окончания институтов молодыми людьми, прожили в ней свою жизнь, знали каждого человека, знали каждый институт, их слабые и сильные стороны — они жили в этом мире. И вдруг неожиданно по непонятным причинам они оказались не у дел, а вместо них появились другие, ничего этого не знающие люди. Естественно, с самого начала руководить на том уровне, на котором обеспечивал технические функции предыдущий аппарат, они не могли. Поэтому и М. М. Котюкову, и аппарату ФАНО пришлось очень трудно. Кроме того, Министерство образования и науки, правительство требовали еще и формализации многих процедур, поэтому этот аппарат работал излишне бюрократично, зачастую просто медленно. И, конечно, возникли трудности во взаимодействиях РАН и ФАНО, институтов и ФАНО. Поэтому сетовать на определенный дискомфорт ученые имели право, но винить в своих бедах только ФАНО было неправильно.

Гораздо важнее другое: научное сообщество хочет знать, нужна ли государству Академия наук и в каком качестве? Я могу рассуждать, с одной стороны, как человек, много лет работающий в Академии наук, с другой — как рядовой гражданин. До Академии наук я 30 лет работал в нефтегазовой, точнее — в геологической отрасли. Я знаю, как работала в СССР отраслевая наука, и не на словах, а на деле понимаю, чем отличается отраслевая наука от академической, прикладная от фундаментальной. К сожалению, в 90-е годы была разрушена почти вся отраслевая наука. Этот процесс продолжается. Пришла очередь Академии наук.

Нам необходимо сегодня ясное понимание, на что рассчитывает наше государство — на российские мозги, российскую науку или мозги, купленные за рубежом, и чужую науку? Ясного ответа на этот вопрос пока не последовало. А произошедшее на последних выборах наводит на мысль о непонимании госструктурами роли и значения науки для будущего нашей страны, для тех задач и программ, которые выдвигает Президент Российской Федерации. Это главная проблема. И пока она решена не будет, будет продолжаться уничтожение, развал науки.

Процесс идет по многим направлениям. И я не могу сказать, что ошибки делают только управляющие государством структуры, их делают и определенные группы ученых. Скажем так, если институты подчиняются ФАНО, то некоторые недалекие ученые и руководители научных учреждений выдвигают тезис: а зачем нам тогда АН, зачем институты должны согласовывать с АН планы, направления научной работы, выполнять оценку уровня их научной работы и так далее. Лучше мы это сделаем сами. Таким образом, наблюдается очевидное проявление многочисленных ошибок и со стороны части членов академического сообщества, и вполне осознанная ошибочная линия политики государственных служб.

В связи с этим у меня давно возникла такая нехорошая ассоциация: ни в одном из разнообразных фильмов ВВС о живой природе я не увидел, чтобы обезьяна села посреди дороги, взяла камень и стала бить себя по голове. Почему же так делает на протяжении двадцати пяти лет правительство нашей страны? — понять не могу. Двадцать пять лет нам рассказывают о «неэффективной работе» АН и т. д.

Давайте не будем говорить обо всей истории, а обратимся только к послевоенному периоду — времени после окончания Второй мировой войны. Мир в эти десятилетия был сохранен, потому что СССР, а затем Россия обладали гигантским ядерным потенциалом и космическим щитом. Это создавал народ, но вся интеллектуальная часть работы была сосредоточена в академической и отраслевой науке — это бесспорно. Мы выжили, потому что у нас была прекрасная минерально-сырьевая база. Но кто обосновал, где и как надо искать нефть и газ, и кто нашел по прогнозам крупнейшие нефтегазоносные провинции мира, сделав Россию великой нефтегазовой державой? Все эти идеи, эта программа, которую блестяще реализовало государство, тоже рождались не на улице, не «за бугром», а в кабинетах ученых. Первый этап создания сырьевой базы нефтегазовой промышленности, который сейчас заканчивается, я называю парадигмой или концепцией Губкина — Байбакова — Трофимука. Эти три великих ученых и десятки — сотни других, не менее талантливых, определили главное направление, технологии, методику поисков и разведки месторождений нефти и газа. И мы нашли сначала гигантскую Волго-Уральскую нефтегазоносную провинцию, затем уникальную по богатству нефтью и газом — Западно-Сибирскую, теперь — Восточная Сибирь и дошли до Тихого океана. Все это делалось под руководством советской академической науки, теперь российской. И как после этого возможно говорить, что наука неэффективна!

Другой вопрос, что иногда эффект науки становится очевидным через 10–15–20 лет. Надо только иметь выдержку.

Вот сейчас поставлена задача освоения нефти и газа Арктики. И сразу панические крики: у нас нет технологий, оборудования! Трофимук и его соратники осваивали Волго-Уральскую провинцию, где главный уровень нефтеносности — девон был связан с глубокими, как тогда казалось, слоями. Бурить скважины глубже двух тысяч метров в 30—40-е годы казалось подвигом. И только в годы войны в Башкирии, где главным геологом и был молодой геолог, в будущем академик Андрей Алексеевич Трофимук, были пробурены первые такие скважины, и мы открыли огромные нефтяные богатства второго Баку. Это было технологическое решение, инженерное решение.

А как осваивали Западную Сибирь? По сравнению с Волго-Уральской провинцией это был подвиг: бесконечные, на площади 3 млн кв. км болота, сложнейшие природно-климатические условия. А все оборудование — и буровое, и геофизическое, и транспорт, и вертолеты, и трубопроводный транспорт, — было создано руками наших инженеров, наших рабочих, мы все сделали сами. Это не значит, что хорошие технологии других стран не надо

заимствовать. Однако в первую очередь надо надеяться на самих себя. Так и с Арктикой. Если мы хотим ее освоить, но станем ждать, когда кто-то где-то сделает нам для этого технологии, мы не получим никакой Арктики и своих задач не решим. Нужно действовать так, как наша страна действовала всегда. Ориентировать свою науку, свой инженерный корпус, свое производство на эту работу.

Мы очень много потеряли в дикие 1990-е годы. Говорить о том, по чьей вине это произошло — толочь в ступе воду. Сегодня надо создавать многое заново, ведь талантливых мозгов, рабочих рук, которые и блоху подковать умели, в нашей стране хватает. Проблема только в том, чтобы правильно выстроить и последовательно реализовывать политику в этом направлении. И без Академии наук, без высочайшего уровня научного центра мирового класса нам этих задач не решить.

Конечно, это не означает, что в академическом цехе все благополучно и нам не с чем бороться. Проблема развития науки — очень сложная проблема, включая кадровую. 30 лет я заведовал кафедрой в НГУ. Мы выпускали и выпускаем хороших ребят, многие работали у нас, но не меньше — в лучших российских и зарубежных нефтяных и нефтегазовых компаниях. И вот же незадача: мы предлагаем выпускнику аспирантскую стипендию в 7 тысяч рублей и койку в общежитии. Исхитряемся взять его на полставки в институт и правдами и неправдами довести заработную плату до 20–25 тысяч рублей. Через три года он защищает кандидатскую диссертацию, и, если остается в институте, то получает как кандидат наук те же 25, в лучшем случае, 30 тысяч рублей. И еще неизвестно, сохранятся ли завтра на этом уровне бюджетные ассигнования для института, а вместе с ними и эта зарплата. Ушедшие же сразу в одну из компаний мальчик или девочка сразу же получают 40–50–60 тысяч рублей, через год — полтора — 100–120 тысяч рублей. За эти три года не пошедший в науку специалист купил себе квартиру, обустроил жизнь и уже ни от кого не зависит.

Да, науку следует финансировать так, чтобы она была оснащена лучшим и современным оборудованием, располагала достойными кадрами. Мы полностью потеряли всю промышленность, которая создавала приборное оснащение для науки. Оно не было слишком хорошим, но мы остались и без этого. Сейчас все надо закупать — до простейшего прибора. В условиях санкций всего еще и не купить.

Выйдя из Великой Отечественной войны, страна понимала, что ей нужна большая наука. И вопрос решался не лозунгами, а чисто рыночным путем. Правительство установило заработную плату ученым существенно выше, чем в промышленности. Доктор наук, заведующий лабораторией с 10-летним стажем получал 500—600 рублей, а директор крупной шахты или крупного завода типа Норильского комбината — 350. Это была принципиальная посылка вопроса. И если человек «шел в науку», он знал, на что рассчитывать при самоотверженной, добросовестной работе. Сегодня этой перспективы нет и не будет, видно, еще долго... В стране не популяризируется труд ученого, а журналисты и телеведущие, даже такие, как

В. Р. Соловьев, между прочим, кандидат экономических наук (мне за этого, несомненно, талантливого человека, когда он в очередной раз «шутит» об академической науке и академиках, бывает стыдно), рассказывают байки о старых, выживших из ума и тупых ученых, среди которых на первом месте стоят, конечно, академики...

Нам могут сказать о нынешних трудностях. Однако гораздо труднее представить себе, что экономика страны, вышедшей из гигантской войны, превратившей в руины все, что у нас было в европейской части и что надо было восстановить, была более благополучной. А ведь государство,

правительство нашли деньги и на реализацию атомной программы, и космических программ. В это же время страна строила гигантские электростанции на Волге, на Енисее, на Ангаре. В это же время решались газовая и нефтяная проблемы и множество иных, восстанавливалась европейская часть. СССР десятилетиями развивал экономику с ростом 7–8 % в год. Теперь же разговор идет о росте экономики лишь в 1–2–3 %.

И если взглянуть на эти процессы глобально, можно констатировать: Дэн Сяопин начинал экономические и политические реформы в Китае примерно в то же время, когда пришел к власти Горбачев. В то время экономика Советского Союза была второй по мощи экономикой в мире, а Китая — на сотых местах. Прошло 30 лет. Произошли перестройка Горбачева — Ельцина и реформы Дэн Сяопина, в результате чего экономика Китая сегодня на втором месте в мире, и с ней никто не может позволить себе не считаться, а мы стали сотой или сто двадцатой экономикой мира и мечтаем о 98-м месте.

Как руководство страны выстроит экономическую политику, таким будет и результат. Я согласен с академиком

С. Ю. Глазьевым, что при проектировании нашей будущей экономики нужно ориентироваться не на А. Л. Кудрина и его команду, не на Высшую школу экономики, а на экономистов и специалистов Российской академии наук.

Но почему-то четверть века экономической трагедии России, основы которой были заложены Е. Т. Гайдаром и его последователями, нас ничему не научили... С резкой критикой этого научного направления неоднократно выступал человек, перед памятью которого я преклоняюсь, — академик Е. М. Примаков. Я и сам давно пришел к такому выводу. Поэтому те, кто подрывают мощь российской науки низким финансированием и бесконечными реформами, эти люди наносят непоправимый ущерб государству Российскому.

* * *

Итак, взглянем на вещи трезво: за последние 25 лет мы утратили не только здоровые великодержавные амбиции, но уничтожили (и продолжаем это делать) собственный индустриальный потенциал, едва не разрушили полностью оборонную промышленность, ликвидировали отраслевую науку, искалечили школьное образование и здравоохранение, теперь серьезно рискуем остаться без науки академической — процесс псевдореформирования дошел до высшей точки. Такое впечатление, что в России работает компания экономических «двоечников», получившая возможность расквитаться с учителями. Хронология событий подтверждает это. И если процесс разрушения науки решительно не приостановить, то не исключено, что в сухом остатке от Российской академии наук мы получим лишь воспоминания, а «мозги» окончательно утекут за рубеж. И никто не будет вправе обвинить их обладателей в космополитизме. И будет поздно и бесполезно искать виновных...

Наталья СЕКРЕТ